

ОЖИДАНИЯ И ИГРЫ: ДИАЛОГИЧЕСКОЕ И МОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ

М. Р. Арпентьева

Статья посвящена анализу проблем ожиданий в монологическом и диалогическом общении. Сравняются особенности диалогического и монологического взаимодействия, реализующих «смыслы для себя» и «смыслы для других» на разных стадиях общения: перцепции, интеракции и интеграции. В качестве центрального, ядерного момента анализа ожиданий во взаимодействии рассматривается игра, анализируются ее составляющие — спектакль и состязание, особенности их реализации в монологическом и диалогическом взаимодействии на разных уровнях и стадиях общения, парадоксы и тенденции диалогического и монологического взаимодействий. Подчеркивается жизнеизменяющий потенциал диалогического общения, его направленность не только на решение проблем, но на развитие субъектов общения, преобразование их жизнедеятельности, в том числе выходящее за пределы ожиданий.

Ключевые слова: диалог, монолог, общение, ожидания, самораскрытие, самопредъявление.

Введение. Диалогическое общение, помимо «прироста информации» и качественной специфики самой «информации», обладает жизнеизменяющим, преобразующим бытие человека, его отношение к себе и миру потенциалом. Преобразование связано не только и не столько с ожидаемыми и намеченными, сколько с неожиданными, нетривиальными переменами и артефактами. Общение, выходящее за рамки ожиданий, выводящее за них субъектов, направлено не только на решение конкретных проблем, но и на развитие субъектов общения, преобразование их жизнедеятельности: через осмысление проблемы, ее «смысла для себя» субъекты получают возможность осмыслить и переосмыслить всю свою жизнь, перейти от отстраненного и манипулятивного монологического общения и его симулякров (фатического и ритуального общения) к обсуждению и решению реальных, значимых для них проблем в отношениях с реальным, а значит, значимым партнером. Общение не получает внутренней основы, если это не общение по поводу деятельности [Леонтьев 1975], однако общение не сводится к обслуживанию предмет-

*Об авторе:
Арпентьева Мариям
Равильевна*

*канд. психол. наук, доцент,
старший научный
сотрудник кафедры
психологии развития и
образования Калужского
государственного
университета
имени К. Э. Циолковского*

*Адрес для переписки:
Россия, 248003 г.Калуга,
ул.Болдина, д.19, кв.44.
E-mail: mariam_rav@mail.ru*

ных задач, поставленных перед человеком. Сущность и содержание процессов интеракции в том, что они являются частью общения и реализации отношений людей [Морено 2001; Флоренская 1991; Хараш 1977; Хараш 1979]. Интеракция выступает как производство и воспроизводство отношений между людьми, деятельностные, предметные задачи существуют в мире людей для того, чтобы сконцентрировать на себе намерения и запустить процессы общения. Производство и воспроизводство отношений, распределение и утверждение интерперсональных позиций и статусов опосредовано обращением к предметным задачам, цели деятельности. Общение, взятое и как интерактивный поведенческий акт, и как аспект общественного бытия человека (со-бытия людей), только тогда становится целостной системой, «событием», когда его интерактивные и перцептивно-информационные компоненты включены в определенный мотивационный контекст, проблемно фокусированы. Диалог, в отличие от монолога как псевдообщения, — общение на уровне действительных мотивов деятельности. Участники коммуникации являются конкретными личностями, индивидуальностями, а не безликими коммуникаторами и реципиентами или «контактами», не просто субъектами деятельности, но и субъектами отношений. Они проявляют себя, открывают себя и друг друга в своих сообщениях и текстах: открыто реализуют себя и свои цели, строят и находят собственные смыслы или стремятся скрыть истинные смыслы и цели своей деятельности, внимательны к целям и смыслам других. В традиционных, монологических моделях люди игнорируют эти смыслы и цели в привычном беге «по кругу» упрощающих жизнь и ее смыслы, созданных другими людьми стереотипов [Хараш 1977; Хараш 1979]. Сообщение, однако, не только передача информации, но и событие в жизни людей, событие их со-бытия, оно подразумевает предъявление ими самих себя, слушание себя и друг друга. В сообщении есть и ожидание, и неожиданность, и игра.

Цель исследования: сравнительный анализ структуры диалогического и монологического общения, выявление роли ожиданий и специфики игрового ядра общения в диалоге и монологе.

Задачи исследования: выявление специфики диалогического и монологического общения на перцептивном, коммуникативном и интерактивном уровнях, анализ особенностей проявления ожиданий на этих уровнях, раскрытие роли игрового ядра общения в формировании, развитии и коррекции социальных ожиданий.

Ожидания и игровое ядро общения: общение как спектакль и как состязание. Люди, начинающие общение, с самого начала так или иначе предвосхищают некую «интригу», игру отношений, они готовятся к ней, как игроки, предполагающие наличие соревнования, направленного на достижение собственных целей, а также как драматурги и актеры, включенные в сценическое действие, спектакль, который нередко развернуто проигрывается до самого общения и продолжает разыгрываться после того, как конкретная ситуация общения давно завершена. Поэтому «ядро» общения можно назвать «игровым»: с точки зрения человеческой жизни игра — это и «есть то дело, ради которого мы прихо-

дим в этот мир и объединяемся в общности и сообщества» [Боулби 2003; Гофман 2004; Петровский 2007; Хараш 1983; Хараш 2003; Хейзинга 1997]. Такое «ядро» возникает даже в мимолетной, дистанционной или виртуальной встрече двух и более людей, в том числе в виде гипотез о правилах взаимодействия и возможном развитии отношений в связи с предстоящими предметными задачами, а также в виде впечатлений и «следов памяти», продолжающихся после встречи (контакта) внутри общавшихся диалогов. При описании отношений взрослых людей понятие игры привлекается в «негативном» контексте для обозначения целого ряда тенденций и аспектов, отличающих нарушенное, уплотненное, монологическое общение-симулякр и реализуемые в этом общении «объектные», манипулятивные, конкурентные, отчужденные и имитирующие отношения к себе и миру [Василиук 1996; Казанжи 2014; Ковалев 1997; Копьев 2007; Орлов 2002; Сатир 1992; Ухтомский 2003; Флоренская 1991], при описании отношений детей — в «позитивном» контексте, как деятельность, развивающая и корректирующая личность и ее отношения [Лэндрет 1994; Эдкониин 1999].

Игра, в отличие от ожиданий, часто представляющих собой результат редуцированного под действием стереотипных предвосхищений диалога, выступает как форма полноценного общения и его суть. Игра отражает «потокный», спонтанный и эмерджентный характер общения, его «непрограммируемость» и неожиданность. Общение благодаря игре как со-бытию, процессу взаимодействия людей как сложных систем, функционирующих по принципам синергии, параллелирования и гистерезиса, обретает реальную значимость как процесс совместного решения проблем и изучения себя и жизни. Развивающий характер истинного общения проявляется в том, что оно стимулирует возвращение человека из конечности «самоподтверждающихся стереотипов» и отрицающих себя и реальность симулякров и созданных для поддержания иерархий псевдосекретов в реальность бесконечных смыслов и неограниченности творчества жизни, ждущих раскрытия и осмысления тайн бытия. Игра — это состязание или соревнование, включающее противостояние сил и стратегий; но и шоу, лицедейство, включающее согласованность ролей и линий сюжета. «Игра есть борьба за что-нибудь или представление чего-нибудь... игра «представляет» борьбу за что-то либо является состязанием в том, кто лучше других что-то представит» [Хейзинга 1997, 24]. Поэтому состязание и спектакль имеют много общего: спектакль, как и игра, состязателен, а состязание, как и спектакль, зрелищно. Оба они предполагают наличие правил и сценариев-ожиданий, отступление от которых чревато разрушением совместного действия — общения. Чтобы находиться и оставаться в игре, даже разрушая ее, индивид должен делать вид, что играет по правилам, лицедействовать. Поэтому «мошенникам и лицемерам... всегда доставалось меньше, нежели тем, кто нарушал игру» и разрушал ожидания [Хейзинга 1997, 22-23]. И состязание, и спектакль собирают наблюдателей, побуждая участников к самоподаче, самопредставлению в виде самораскрытия или самопредъявления. Человек как собеседник — это «игрок» и «актер», условием максимальной самоотдачи — полноценного, деятельного усилия — является правильный для каждой конкретной ситуации выбор между двумя ипостасями. Успешное и полноценное общение ориенти-

ровано на самовыражение (самоотдачу), неуспех предопределяется преобладанием самоподачи и ориентацией на ожидания [Арпентьева 2015; Доценко 197; Хейзинга 1997, Rimé 2007; Sullivan 1953]. Монологическому общению, в отличие от диалога и игры, свойственна не фасилитация, а коакция, при которой люди выполняют одно и то же задание, находясь рядом, но не взаимодействуя [Allport 1979]. Коакция интенсифицирует стороны человеческой деятельности, которые обращены не к индивидуальности и творчеству, личному выбору, а к воспроизведению, социальным нормам и стереотипам. При наличии выраженного «смыслообразующего» контекста усилий, «смыслов для себя», дающих возможность и определяющих настоятельность, необходимость выбора, он подвергается деиндивидуализации, упрощению и усреднению. «Тайна» (как «секрет» или «псевдосекрет») выступает организующим принципом монологической интеракции. Состязание в условиях коакции и «страх сцены» берут начало в тайне «другого» (его мнимой непредсказуемости, «прикрытой» стереотипами «смыслов для других»). Присутствие угрожающего «другого» как «тайны» активизирует тенденции к защите собственного «я». Поэтому монолог связан с двумя состояниями: либо взаимный антагонизм и недоверие, проявляющиеся во вражде и соперничестве, в тенденции управления впечатлениями, либо объединение для совместной манипуляции третьим «другим» [Орлов 2002]. Всякая игра исключительна и обособлена, что проявляется «в таинственности, которой игра любит себя окружать... Это игра для нас, а не для других» [Хейзинга 1997, 23]. Поскольку монологическая интеракция — объединение через общность секрета, она имеет два полюса — соперничество и сообщничество: взаимную антагонистическую манипуляцию и договор о совместной манипуляции «третьими лицами». Изучение «игрового ядра» затруднительно: тайна — то, о чем люди молчат; выдать ее — совершить предательство. Тайны не исследуются, а расследуются. Реконструкция «секретов» может также идти от «обратного». В этом случае темы, которые избегаются, вытесняются, вплоть до бессознательного уровня. Они указывают путь к содержанию «игрового ядра» группы [Морено 2001; Петровский 2007]. Диалогические интеракции осуществляются вокруг предметных задач и приглашают к партнерству. Если рассматривать типы интеракции, то партнерство выступает высшей ступенью объединения индивидуальных усилий. В подлинном диалоге хранителем тайн являются не люди, а предметный мир: тайна — не то, что скрывается, а то, что скрыто, что-то непознанное, таящееся в части мира, которая приковала к себе внимание общающихся, партнеров. Тайна доступна пониманию и исследованию, нужно лишь усилие для ее осознания и изучения (открытость пониманию, отношениям, воздействиям). Партнерство — открытая система взаимодействий, ее поведение может быть противопоставлено другим системам. Оно может пониматься как враждебное и конкурентное, но внутри оно таким не является, партнерство есть объединение индивидуальных усилий совместного самовыражения. Если сообщники заняты совершенствованием самоподачи (как актерская труппа, разыгрывающая спектакль, в котором люди помогают друг другу кем-то притвориться и на кого-то повлиять), то в партнерских взаимоотношениях наблюдается максимизация самоотдачи, забота о реализации внутреннего потен-

циала каждого из участников [DeKoven 1999]. Поэтому психологическая помощь, по сути, направлена на раскрытие и избавление человека от индивидуальных тайн, которые он, чтобы «не проболтаться» и поделиться с другими, скрывает даже от самого себя. Однако ситуации исповеди и институт исповеди и «социального обмена переживаниями» имеют универсальный характер. Напротив, жизнь «сделавшего самого себя», «одинокого рейнджера» долго человека не радует и приводит к деструкции личности, ее отношений с собой и миром [Бандура 2000]: возможность разделить опыт, переживание или представление часто достойная субъективная «плата» за самые тяжелые ситуации и травмы жизнедеятельности. В обычном общении искушение и потребность доверить свои тайны другим обычно борются со страхом разоблачения, негативной оценки и формирования негативного впечатления о себе, что полностью противоречит целям самопрезентации [Амяга 1991; Гофман 2004]. Партнерство — осознанное соучастие в жизни человечества, состояние субъекта общения и деятельности, характеризующееся совместностью самоотдачи.

Структура общения и ожидания. Общение как интеграция. В динамическом аспекте интеграция включает выбор между доверием и защитой. Общение, как известно, начинается со встречи, в процессе которой монологическая установка проявляется в защитных тенденциях, в стремлении к уходу от встречи и понимания, к сокрытию, а диалогическая — в доверии, в стремлении к самораскрытию и взаимному раскрытию, истинной встрече как «событию со-бытия» [Бахтин 1979; Копьев 2007]. Монолог как «овеществление действительности» при овеществлении другого, противостоящего субъекта становится «палкой о двух концах». С одной стороны, субъект якобы упрощает задачу контакта, проигнорировав реальные возможности (степени свободы) другого и сведя их к привычному для себя «вееру» альтернативных ожиданий, обретает уверенность и субъективную свободу выбора поступков в общении с ним. Однако, с другой стороны, лишив партнера одухотворенности, субъект лишает и себя возможности видеть в нем близкое существо, возникает отчуждение, при котором другой становится чужим и даже менее предсказуемым, более опасным, чем был до «превращения» в объект. Поэтому встреча с субъектом, превращенным в «безгласный» объект, вселяет выраженную панику, заставляет принять меры к самообороне, включая угрозы потери старого понимания себя и мира, разрушения отношений и потери имеющегося социального статуса (влияния). Готовность к интеграции для субъектов в монологе — это готовность дать отпор. Перспектива интеграции — всегда противоборство и в перспективе разъединение. Диалогическая установка проявляется на этапе интеграции в доверии как диспозиции построения и развития отношений, реализации отношенческой интенции. Она включает отказ от защитных стратегий, обнажение как снятие ролевых и иных масок, обнаружение «Я», общение делает «Я» доступным другому и доступным «Я» другого. Субъект доверяется жизни, ее потоку, как целое — целому, признает другого способным понять и признает себя важным, событием для другого, перестает сравнивать себя с ним и добровольно превращает себя в объект для другого. Он перестает фокусироваться на вто-

ричных для общения аспектах, «Эго» как совокупности «смыслов для других» [Михайлова 2007].

Структура общения и ожидания. Общение как перцепция.

Перцепция как одна из сторон-стадий в общении включает аспекты, связанные с предубеждением и принятием [Андреева 2008]. При этом людей, которые доверяют и доверяются, партнеры воспринимают иначе, нежели тех, которые встречают их той или иной защитной стратегией. Монолог разворачивается в деформированном пространствами, где царит либо невнимание к другому, его игнорирование, либо, если игнорирование невозможно, сравнение себя с ним и попытка принизить, «утвердиться за счет» другого [Доценко 1997]. Диспозиции защиты и доверия определяют формирование различных пространств коммуникации, перцептивные установки относительно другого — предубеждение или принятие. Предубеждение как доминирование ожиданий или стереотипа, «картинки в голове» освобождает от необходимости быть внимательным к объекту. Дестереотипизация возникает, когда «картинка в голове» меняется в процессе реального соприкосновения и возникновения новой связи по типу проблемно-смысловой фокусировки — сосредоточения людей на значимом для них предмете. Принятие как «немотивированная позитивная оценка», своеобразная «клятва верности» человечности разрушается или не достигается, если переживание ценности другого связывается с требованиями обоснований. Тогда принятие уступает место предубеждению и ожиданиям или так и не возникает. Продукт принятия — подтверждение достоверности собственного бытия со стороны другого [Лейнг 1995; Менджеричкая 1996]. «Вненаходимость» дает возможность «объять» другого как целое, завершенное и значимое [Бахтин 1979, 34-35]. В отсутствие другого человек обречен на вечное сомнение по поводу своего бытия, при котором даже ожидания не суждено быть ни отвергнутыми, ни подтвержденными [Festinger 1954].

Структура общения и ожидания. Общение как информирование. На стадии или в контексте информирования общение выступает как манипуляция или самовыражение [Амяга 1991]. Стереотип является источником ожиданий и таким образом направляет поведение и рождает стремление управлять поведением другого. Защита требует отгородиться от реальности стереотипом, а стереотип — исправить под себя реальность, в результате возникают «самоподтверждающиеся пророчества» обмана и самообмана, «запутанные клубки» и «двойные связи» отношений, круги «вины — мести», «бегства — преследования». Манипуляция через ожидания начинает «штамповать» поведение человека и других людей, помогая подогнать действительность под предубеждения.

Особенно важны в этом процессе ролевые ожидания или экспектации (expectations). Ожидание выступает как непреднамеренная манипуляция со стороны субъекта, однако со временем манипулятивная стратегия становится почти единственным способом воздействия на сознание и поведение человека, собеседника, а также единственным способом самоуправления, при которых ответы «объекта» манипуляции нужны лишь для возможно более полного повышения ответственности. В лучшем

случае учитываются «обратные связи», однако «объекту» до «субъекта», коммуникатора, его мотивов и техник общения все равно якобы «нет никакого дела», а лексико-лингвистические барьеры понимания полагаются мало распространенными: «значения для других» признаются априорно «понятными» и отражающими не столько конвенциональные нормы, сколько саму реальность. При этом ожидание безответности и разобщенности (диффузности) аудитории поддерживают ожидания внушаемости [Katz & Lazarsfeld 1955]. Манипуляция проявляется в стратегии поиска средств выражения для достижения нужного «эффекта». «Закрытые» (конвенциональные) формы отношений предполагают, что партнеры довольствуются предъявлением текстов, построенных по нормативно кодируемым правилам, и теми «смыслами для других», которые в них заключены. Их смыслы «для себя» скрываются за ролевым фасадом и конвенционально, как правило, игнорируются, что приводит к разделению людей на манипулирующих и манипулируемых. На основе этого возникают мотивы «быть понятым», прозрачным или, напротив, «оставаться недоступным», загадочным и непонятым. Для субъектов, решающих задачи самовыражения, подчас манипулятивное действие вообще теряет ценность. «Открытое» (диалогическое) общение происходит на уровне «смыслов для себя» [Сатир 1992; Чиксентмихайи 2012]. Монолог — это обращение к другому, с другим, скрывающее его внутреннюю подоплеку. Диалог — это обращение к себе, услышанное другим, внутренняя жизнь, озвученная в слове. Взаимообмен смыслами способствует взаимопроникновению сфер сознания и обогащению жизнедеятельности собеседников, проникновению их в затекстовый мир, смысловому пониманию друг друга и мира. Интеграция, соединяющая общение с комплексом человеческой жизнедеятельности, завершает «развертку» стадий общения.

Выводы по итогам исследования. Идеальный случай диалога — «проблемно-смысловая фокусировка», предполагающая сосредоточенность независимых субъектов на общем предмете, который составляет для каждого особую проблему и наделен глубоким личностным смыслом. Такое состояние достигается в результате практик осознанного отношения к себе и миру, поисковой активности и стремления к пониманию себя и мира, отказу от ожиданий как иллюзий всезнания, всемогущества и «дефицитной» любви.

Сравнительный анализ структуры диалогического и монологического общения позволяет сделать вывод о различной роли ожиданий и существовании специфики игрового ядра общения в диалоге и монологе. В диалоге ожидания разрушают живую ткань общения, мешая увидеть как собеседника, так и самого себя. В монологе они помогают упростить общение, «оптимизировать» его, сведя общение к контакту как обмену ожиданиями. Игровое ядро диалога — это взаимодействие двух существей, трансперсональный контакт по поводу значимой для общающихся и мира проблем или деятельности. Это взаимодействие предполагает реальные, осмысленные, значимые и искренние отношения людей. Игровое ядро монолога — тайна отношений, скрытая под ожиданиями и претензиями на любовь и принятие, понимание и мудрость, уважение и искренность. Это взаимодействие предполагает «контакт масок» и «бло-

ков» сознания, при которых собеседник используется для достижения собственных, не связанных с общением целей и значимой для общающихся и общества деятельности. Также существует специфика диалогического и монологического общения на перцептивном, коммуникативном и интерактивном уровнях. Анализ особенностей проявления ожиданий на разных уровнях показывает, что вырождение общения в спектакль или состязание препятствует формированию и развитию отношений, а также представлений человека о себе и мире, закрепляя и воспроизводя социальные ожидания и в разной мере осознанные тайные сговоры участников по поводу этих ожиданий и стоящей за ними реальности. Гармоничное общение предполагает гармонию этих двух «ипостасей» игры (спектакля и состязания) и служит коррекции социальных ожиданий, переходу от мира ожиданий к реальному миру, познанию его тайн.

Список литературы

- 1 Амяга Н. В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность. Общение. Групповые процессы. — М.: АН СССР, 1991. — С. 57-74.
- 2 Андреева Г. М. Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 384 с.
- 3 Арпентьева М. Р. Практикум по психологическому консультированию. — Калуга: КГУ, 2014. — 336 с.
- 4 Арпентьева М. Р. Стратегии социального поведения личности. — Калуга: КГУ, 2015. — 300 с.
- 5 Бандура А. Теория социального научения. — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.
- 6 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
- 7 Берн Э. Игры, в которые играют люди. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 640 с.
- 8 Боулби Дж. Привязанность. — М.: Гардарики, 2003. — 477 с.
- 9 Василюк Ф. Е. Молитва—молчание—психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. — 1996. — №4. — С.141–145.
- 10 Выготский Л. С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. — М.: Лабиринт, 2001. — 368 с.
- 11 Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. — М.: ИС РАН, 2004. — 751 с.
- 12 Дмитриева Е. Г. Адольф Хараш и его метод // Журнал практического психолога. — 2014. — № 1. — С. 141-152.
- 13 Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: Че-Ро, Изд-во МГУ, 1997. — 344 с.
- 14 Казанжи М. Й. Психологія фасилітативності. — Одесса: Куприенко С. В., 2014. — 327 с.
- 15 Карнеги Д. Законы влияния. — Мн.: Попурри, 2015. — 380 с.
- 16 Кнорре Е. Б. Адольф Хараш: парадоксы диалога // Журнал практического психолога. — 2014. — № 1. — С. 92-98.
- 17 Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии, три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. — 1987. — № 3. —С. 41–49.
- 18 Кокурина И. Г. Методика изучения мотивации трудовой деятельности. — М.: МГУ, 1990. — 90 с.
- 19 Копьев А. Ф. Взаимоотношение «Я» — «Другой» // Московский психотерапевтический журнал. — 2007. — Юбилейный выпуск. — С. 85–97.
- 20 Лейнг Р. Расколотое «Я». — СПб.: Белый кролик, Академия, 1995. — 352 с.
- 21 Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
- 22 Лэндрет Г. Л. Игровая терапия. — М.: МПА, 1994. —368 с.
- 23 Менджеричкая Ю. А. Феномен подтверждения — неподтверждения и развитие личности // Психологический вестник РГУ. — Вып. 1. — Ч. 2. —Ростов-н/Д.: РГУ, 1996. — С. 115–131.
- 24 Минигалиева М. Р. Стратегии понимания клиента в психологическом консультировании: дис. ... канд. психол. наук. — М.: МГУ, 1999. — 275 с.
- 25 Михайлова Е. В. Самопрезентация. — СПб.: Речь, 2007. — 224 с.
- 26 Морено Дж. Л. Социометрия. — М.: Академический Проект, 2001. — 330 с.
- 27 Орлов А. Б. Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход // Вопросы психологии. — 2002. — №4. — С. 3–19.
- 28 Петровский А. В. Психология и время. — СПб.: Питер, 2007. — 448 с.
- 29 Постмодерн /под ред. Л. Г. Иониной. — Харьков, 2002. — 247 с.
- 30 Потебня А. А. Слово и миф. — М.: Правда, 1989. — 623 с.
- 31 Сатир В. Как строить себя и свою семью. — М.: Педагогика-пресс, 1992. — 190 с.

- 32 Ухтомский А. А. От двойника к собеседнику // Ухтомский А. А. Доминанта. — СПб.: Питер, 2002. — С. 335–391.
- 33 Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. — М.: ИП АН СССР, 1991. — 244 с.
- 34 Хараш А. У. Личность, сознание и общение // Психолого-педагогические проблемы общения / под ред. А. А. Бодалева. — М.: АПН СССР, 1979. — С. 17–35.
- 35 Хараш А. У. О механизме общественной детерминации индивидуальной деятельности // Психология в вузе. — 2014. — № 1. — С. 12–24.
- 36 Хараш А. У. Межличностный контакт как исходное понятие психологии устной пропаганды // Вопросы психологии. — 1977. — №4. — С. 52–63.
- 37 Хараш А. У. Монолог и диалог // Социально-психологическая компетентность / сост. и ред. М. Р. Арпентьева. — Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2015. — 250 с.
- 38 Хараш А. У. Смысловая структура публичного выступления // Социальная психология / сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 71–84.
- 39 Хараш А. У. Социально-психологические механизмы коммуникативного воздействия: дис. ... канд. психол. наук. — М.: МГУ, 1983. — 33 с.
- 40 Хейзинга Й. Homo Ludens. — М.: Прогресс — Традиция, 1997. — 416 с.
- 41 Чиксентмихайи М. Поток. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 520 с.
- 42 Шостром Э. Человек-манипулятор: внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. — К.: PSYLIB, 2003. — 140 с.
- 43 Эльконин Д. Б. Психология игры. — М.: Владос, 1999. — 360 с.
- 44 Allport G. W. The Nature of Prejudice. — N.-Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. — 537 с.
- 45 DeKoven B. Building an inner playground // AHP Perspect. — 1999. — June–July. — P.18.
- 46 Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. — 1954. — V.7. — P. 117–140.
- 47 Jourard S. Healthy Personality. — N.-J.: Prentice–Hall, 1974. — 380 p.
- 48 Katz D. & Lazarsfeld P. F. Personal influence. — N.-Y.: Free Press, 1955. — 230 p.
- 49 Rimé B., Interpersonal emotion regulation // Handbook of emotion regulation / J. J. Gross (Ed.). — N.-Y.: Guilford, 2007. — P. 466–485.
- 50 Sullivan H.St. The Interpersonal Theory of Psychiatry / Ed. by H. S. Perry and M. L. Gawel. — N.-Y.: W. W. Norton & Co., Inc., 1953. — 393 p.
- 51 Whorf B. L. Language, thought and reality / Ed. John B. Carroll. — N.-Y.: Wiley, 1956.